

УДК 821.161.1

Л. Гармаш, И. Разуменко, А. Силаев

**«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭМЕ ЛЕБЕФА» МИХАИЛА КУЗМИНА
КАК LA NOVELA PICARESCA И «ГАЛАНТНЫЙ» РОМАН**

Михаил Кузмин является одним из наименее исследованных представителей Серебряного века русской культуры, интерес к личности и творчеству которого неизменно растет. «Кузмина как-то просмотрели», заметил во вступительной «Беседе о прозе Кузмина» В. Марков [9, с. XVI]. Наконец-то пришло время, когда можно попытаться это исправить.

В начале XX века он был известен в первую очередь как профессиональный музыкант – композитор и исполнитель собственных сочинений. Выступления на «Вечерах современной музыки» способствовали его дружбе с художниками – Львом Бакстом, Вальтером Нувелем, Константином Сомовым. Именно последнему был посвящена повесть «Приключения Эме Лебефа», которую Сомов, будучи, как и Кузмин, стилизатором по своей природе, украсил иллюстрациями в стиле модерн.

Появление в творчестве М. Кузмина произведения, подражающего «галлантному» французскому роману XVIII века, было, в общем-то, закономерно. Стилизацией в первые десятилетия XX века были проникнуты все виды искусств, начиная с театра, живописи, музыки и заканчивая литературой. Так, В. Мейерхольд видит в стилизации основной художественный принцип развития нового театра. А. Бенуа обращается к образам, отсылавшим к эпохе Петербурга XVIII – начала XIX веков. Певцом галантного века принято называет Е. Лансере, любившего изображать сценогоны из придворной жизни России и Франции XVIII столетия. К. Сомов создает серию картин, посвященных стилю рококо. В поэзии к эстетике «галлантного века» обращается Андрей Белый, создавший иронические зарисовки ушедшей эпохи в одном из разделов цикла «Золото в лазури».

Даже во внешности и в поведении Кузмина современники отмечали присутствие некоего отпечатка «галантного века», хотя воспринимался он скорее как поза, за наносной легкомысленностью и беспечностью которой скрывалась натура глубокая и сложная. «Все время мне чудилось, – писал А. Шайкевич о своем впечатлении от музыкального выступления Кузмина, – что на нем надета маска, что он наложил на себя какой-то добровольный тяжелый искус, что где-то далеко за пределами смеха, чувственного вожделения и нарумяненной галантности эпохи рококо, которую он так любил в Моцарте, в его душе реют мотивы трагического вдохновения» [13, с. 238].

Литературный дебют Кузмина несколько запоздал, но был довольно успешным. Первая его публикация в 1905 году была благосклонно принята Валерием Брюсовым, затем вышли из печати стихотворный цикл «Александрийские песни», повесть «Крылья» и, наконец, в 1907 году на суд читателя были представлены новые прозаические произведения, среди которых выделялась повесть «Приключения Эме Лебефа». В этом же году в журнале «Весы» появилась заметка Валерия Брюсова, где признанный метр отметил несомненное мастерство Кузмина как повествователя, умело сочетающего лаконизм в изображении характеров и динамичный сюжет, подчиненный строгой логике развертывания действия [2, с. 80]. Через три года к нему присоединился Вяч. Иванов, увидевший в авторе «Приключений Эме Лебефа» виртуозного рассказчика, повествование которого отличается, по мнению критика, «свежестью», «непринужденной гибкостью» и «изящной простотой» [5, с. 47]. На предвзятое отношение к произведениям Кузмина и, как следствие, их неверную оценку читателем указывал Вяч. Иванов, писавший в своей статье: «Досадно видеть энтузиазм, с каким эстеты-подражатели и посредники истолковывают как пикантную гримасу литературной моды обдуманые и ясные создания этого утонченного и вместе простого автора, любящего искусственность канона и ненавидящего искусственность тона – все принужденное, натянутое, надуманное, аффектированное, вычурное» [5, с. 46].

Противопоставляя прозу Кузмина заполонившим полки книжных магазинов «претенциозными, крикливыми и пестрыми» произведениями, Андрей Белый отказывает Кузмину в широте или глубине мысли, но полагает, что именно в этом и состоит достоинство его книг, не претендующих на причастность к вечным ценностям, а предлагающих легкое, приятное времяпрепровождение, «пленительное своим уютом» [цит. по: 8, с. 587]. Николай Гумилев увидел в Кузмине наследника пушкинских традиций в прозе, а именно «Повестей Белкина», «к которым жадная до ученичества современная критика отнеслась как к легкомысленным анекдотам. Их великое значение не оценено до сих пор» [4, с. 56].

В последние десятилетия неуклонно растет количество научных исследований, посвященных изучению литературного наследия Кузмина. Так, начиная с 1977 года были опубликованы дневники писателя, собрание стихов в трех томах, собрание прозаических произведений в девяти томах и др. Результатом тщательной, кропотливой работы стала монография Н.А. Богомолова о жизни и творчестве писателя. Появляется все больше диссертационных работ, раскрывающих различные аспекты художественной палитры одного из интереснейших представителей русской литературы первой трети XX века. В 2015 году был выпущен сборник трудов, явившийся итогом работы Международной научной конференции, приуроченной к 140-летию М.А. Кузмина. Предметом изучения современных исследований, если речь идет о прозе Кузмина, является в первую очередь его роман «Крылья». Несомненный интерес представляют и другие его прозаические произведения, в том числе написанные в жанре приключенческого (авантюрного, плутовского) романа.

Плутовской роман возник в Испании в период позднего Возрождения на закате политического и военного могущества правления императора Карла V. У его истоков стоит роман Мендозы «Жизнь Лазарильо из Тормес, и его удачи и неудачи», вышедший в свет 1553 году и породивший массу подражаний не только в Испании, но и в других европейских странах [3]. В Россию этот жанр пришел

значительно позже, уже после того, как вышел в свет последний наиболее значительный образчик плутовского романа – «История Жиль Бласа из Сантьяны» Алена Рене Лесажа, написанный в период с 1715 по 1735 год. В русской литературе наиболее яркими подражаниями ему были роман В.Т. Нарезного «Российский Жилблас» (1812–1813) и роман Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин, или русский Жилблас» (1829). В монографии «Плутовской роман в России» Ю. Штридтер рассматривает развитие жанра только в догоголевский период, не захватывая, следовательно, эпоху модернизма в России и все, что могло иметь в то время какое-либо отношение к плутовскому (авантюренному) роману. Среди наиболее известных ученых, благодаря изысканиям которых была определена специфика жанра, обозначены его релевантные характеристики и вычленена повествовательная структура, необходимо назвать Ю. Веселовского, Н. Томашевского, М. Бахтина, Л. Пинского, С. Пискунова, В. Переверзева, И. Сергиевского, Н. Степанова, И. Ямпольского, М. Батайона, М. Донадьо и др. Что же касается творчества Кузмина, то мы обнаружили только одну серьезную работу, затрагивающую эту тему. В диссертации Н.В. Журавлевой понятие «авантюренность» рассматривается на материале романа «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» в аспекте стилизации ее художественных функций. Данное произведение, по мнению исследовательницы, выразило «исчерпанность познавательной модели символизма в постсимволистскую эпоху» [6, с. 4].

В испанской литературе был выработан устойчивый канон плутовского романа, удачно обобщенный в статье В.Д. Миленко, которая отметила, что данный жанр имеет «форму повествования от первого лица (автобиография пикаро), синтез циклической и кумулятивной сюжетных схем (при преобладании последней), биографическое композиционное единство (детство героя – юность – личностное становление – «воцарение»», константный набор мотивов: бытовых (дорога, встреча-разлука, деньги), авантюрно-плутовских (нищенство, самозванство, знахарство, актерство,

женитьба по расчету), нравственно-философских (выживание, противостояние и бунт, духовное одиночество), празднично-карнавальных (узнавание-неузнавание, переодевание)» [10, с. 5]. Большинство этих характеристик, как мы увидим далее, присущи повести Кузмина.

Героем плутовского романа является, как это следует из самого жанрового определения, плут. Обычно это представитель социальных низов, человек обделенный, пытающийся отвоевать себе место в обществе различными несправедливыми способами – воровством, мошенничеством, клеветой и даже убийством. Исследователи обычно подчеркивают, что таким герой становится в результате неблагоприятных обстоятельств, в его характере в концентрированном виде представлены многочисленные пороки деградирующего общества, которые он постепенно усваивает, проходя «школу жизни», т.е. плутовской роман – это роман антивоспитания. Но дело в том, что главный герой Кузмина, обласканный женщинами и судьбой, «школу жизни» проходит формально, внутренне совершенно не меняясь. Если он и совершает преступления, то лишь вынужденно, защищаясь. Он скорее принимает дары, которые ему посылает фортуна, нежели пытается взять их силой или хитростью. И мы попытаемся доказать, что Кузмин, беря форму плутовского романа, содержательно ее довольно серьезно трансформирует, в чем и состоит сама суть стилизации, с нашей точки зрения.

Рассказчиком в пикареске традиционно является сам герой, повествование разворачивается в хронологическом порядке, начиная с детства героя и заканчивая самым моментом рассказывания: «пикаро ведет рассказ о своей жизни с момента своего рождения и до времени, к которому приурочено повествование, что предполагает возможность его продолжения» [11]. Это обуславливает классическую композицию романа, предполагающую наличие открытого финала, благодаря чему у читателя возникает надежда на возможное продолжение. Не пренебрегает этим приемом и Кузмин, буквально обрывая «Приключения Эме Лебефа» на полуслове, после чего следует отточие. Поэтому мы не можем согласиться с

мнением В.В. Широковой, предположившей, что автором планировалось продолжение [12, с. 151]. Здесь Кузмин не был оригинален, точно следуя сложившейся традиции.

Повествование в повести Кузмина ведется от первого лица, представляя себою фиктивную автобиографию, совершенно лишенную характерных для традиционного романа признаков исповедальности. Таким героем является Эме Лебеф, который последовательно сообщает о своих приключениях. Как и другие пикаро, в детстве он остается сиротой, не знает своих родителей и вынужден довольствоваться ролью приёмыша.

Кузмин использует практически все привычные сюжетные схемы плутовского романа, но сохраняет чаще всего только их каркас, при этом опуская все подробности, которые так любили сообщать своим читателям авторы классических приключенческих романов. Главный герой Кузмина скупко упоминает о своем сиротстве. Завязкой сюжета является приезд в городок, где он ведет скучную, однообразную жизнь, молодой парижанки Луизы де Томбель, в которую влюбляется Эме. Обычно такой сюжет развивался от встречи героев, к зарождению между ними чувства любви. Затем на их пути возникали различные препятствия, преодолев которые, герои в конце концов воссоединялись. В романе Кузмина не только обстоятельства решают судьбу персонажей. Субъектом действия здесь становится героиня, которая сначала является инициатором любовных свиданий с Эме, затем по неизвестным герою причинам принимает решение вернуться в Париж, предложив герою занять унижительное положение ее слуги и тайного любовника. Счастливая развязка и вовсе становится невозможной, так как Эме разочаровывается в Луизе, которая предпочла молодому возлюбленному старого, безобразного, но богатого покровителя, и герой покидает ее дом навсегда. Вспоминая об этом эпизоде своей биографии, он скажет в утешение своему другу: «Все проходит, все забывается, находят новое; вот я имел Луизу и потерял и не плачу, а любовь сильнее связывает, чем дружба» [8, с. 161].

Первая часть повести завершается тайным отъездом героя из родного городка. В этот момент он, по сути, отказывается от предсказуемого, прочного, но однообразного будущего, оставляя свою невесту, мадемуазель Бланш, в пользу неизвестной, но наполненной приключениями, многообещающей жизни. Именно жажда приключений является основным мотивом, определяющим поступки героя. Это отчетливо видно в восьмой главе третьей части, где повторяется такой сюжетный элемент повести, как отъезд героя. Опять он попадает, как и в начале своего жизненного пути, в лавку, где вынужден целые дни проводить, обслуживая покупателей, но вскоре вновь оставляет ее, чтобы сменить «покойную, но скучную жизнь у Виварини на бедную, но представляющую более случаев непредвиденных встреч жизнь гондольера» [8, с. 173].

Как отмечает К. Бондарь, «для классического *пикаро* характерны пессимизм и насмешливое отношение к другим людям, которые помогают ему справиться с угрызениями совести, а также индивидуализм, сочетающийся с согласием с принятыми в обществе правилами игры» [1]. Главному герою Кузмина, в отличие от других персонажей его повести, это не свойственно. По сути, он добрый малый, осмелившийся изменить предначертанную ему судьбу. Он отправляется в столицу Франции, надеясь там обрести счастье со своей возлюбленной. Поначалу Эме довольно нерешителен. Это хорошо видно в сцене предполагаемого самоубийства, когда, покинув Луизу и оставшись без крыши над головой, он очутился на мосту. Глядя вниз на темную холодную воду, он рассуждает таким образом: «В утоплении предстоит столько невольной борьбы со смертью, что лучше повеситься, что можно сделать и днем, когда все веселее» [8, с. 156-157]. Авторская ирония по отношению к герою проявляется в совершенно не подходящем для данного контекста словечке «веселее».

Герой-пикаро редко сам принимает решения о том, куда он направит свои стопы в следующий раз. Им руководит судьба или, если говорить точнее, другие герои. Он напоминает листок, свободно поддающийся порывам ветра. Этому принципу следует и герой

Кузмина, который сначала принимает предложение Луизы переехать в Париж, затем попадает под влияние друга, Франсуа де Сосье, с которым он отправляется в Италию, в другой раз переодетого в женское платье Эме хватают ночью какие-то неизвестные фигуры, и он оказывается, вопреки своей воле, в келье монаха и т.д.

К ведущим чертам героя-пикаро С. Пискунова относит протестичность, что означает его умение приспособиться к любым обстоятельствам, принимать различные обличья в зависимости от предложенной ситуации [11]. И Кузмин подчеркивает способность своего героя к ролевой трансформации. Так, притворяясь слугой в доме Луизы, он в конце концов «как и все остальные слуги, ...играет в карты с соседними лакеями, бегая с ними в кабачки...» [8, с. 154]. С такой же легкостью он надевает на себя маску вымышленного графа Гоцци или выдает себя за астролога Амброзиуса Скальцарокку.

При этом героя-пикаро обычно преследуют неудачи, из которых он благополучно или не совсем благополучно выпутывается. Он постоянно попадает в обстоятельства, где должен проявить всю свою смекалку. В случае с героем Кузмина это была история в гостинице, где Эме и его друг были сначала ограблены двумя мошенницами, а затем с ними же стали выдавать себя за проезжих благородных венецианцев, под видом которых обманывали состоятельных горожан. Однако они были изобличены, и после случайного убийства старого ювелира, ставшего причиной из разоблачения, герой вынужден скрываться, переодевшись в женское платье. Также совершенно случайно Эме, ставший гондольером, попадает в дом к астрологу и изобретателю вечного двигателя Амброзиусу, где становится его учеником, а затем во дворец немецкого герцога, откуда тоже вынужден будет поспешно бежать.

Для плутовского романа характерен «показ действительности как царства всеобщей лжи, насилия и обмана» [7], что также присуще повести Кузмина. Уже во второй части повествуется о том, как Эме оказывается в обществе незнакомых с куртуазным поведением людей, которые проводят время в ночных попойках, ссорах и драках. К падению нравов парижских жителей, как отмечает автор,

прибавляется также далекая от праведности жизнь монастыря, обитатели которого, «забыв обеты целомудрия, послушания святости», предаются по ночам греху [8, с. 172]. Сплетни, интриги и заговоры царят и при дворе немецкого герцога. Как и в любом плутовском романе, в повести Кузмина присутствует уголовный момент – совершаются преступления различной степени тяжести: грабеж, мошенничество, даже убийство. Автор обращается и к традиционному мотиву подслушивания и подглядывания, который выполняет вспомогательную функцию. Главное здесь – динамично развивающийся увлекательный сюжет, наполненный множеством перипетий, с одной стороны, и скрытые намеки на современную автору повести реальность – с другой. В частности, Кузмин проводит иронические параллели с научными открытиями конца XIX – начала XX века, которые парадоксальным образом соседствовали с увлечением спиритизмом и перепетуумом мобиле вкупе с магией и гороскопами XVIII века. Или включает в предпоследнюю главу совершенно ничем не мотивированное появление юноши-француза, который заявляет, что хочет освободить мир от тиранов, что можно рассматривать как намек на сходство предреволюционной ситуации в Франции конца XVIII века и в России начала XX века. На то, что повесть является искусной стилизацией, указывает также игра автора с русским читателем, который помнил, что предсказание, которое в «Приключениях Эме Лебефа» якобы получил главный герой – «берегись карет, рыжих женщин и человека с именем на Ж.» [8, с. 163], на самом деле услышал от гадалки Пушкин. При этом повесть Кузмина становится в определенном смысле его поэтическим манифестом и обозначает позицию писателя в обширной дискуссии, развернувшейся в начале XX века (вспомним только знаменитое стихотворение А. Кручёных «Дыр, бул, щыл» или работы В. Хлебникова) по поводу ближайших перспектив русского языка. Как точно заметил Б. Эйхенбаум, Кузмин «вступает в литературу как стилист и как иностранец, потому что нужно заново почувствовать русскую речь и русскую литературу» [14, с. 348], возрождая старый

спор между шишковитами и карамзинистами и явно разделяя убеждения последних.

Таким образом, создавая «Приключения Эме Лебёфа», М. Кузмин преследовал цель не только развлечь публику или продемонстрировать виртуозное владение техникой стилизации. Автор ставил более серьезные задачи, проводя параллель между Западной Европой XVIII века накануне Великой французской революции и Россией начала XX века, только что вышедшей из купели первой революции 1905 года и стоявшей на пороге Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Литература

1. Бондарь К.В. К сатирическим истокам русской пикарески («Повесть о Фроле Скобееве»). *Международные чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. 16-е чтения*. 2011. URL: <http://levlivshits.org/index.php/materials/annotations/reading-2011/270-bondar.html>
2. Брюсов В. Раздел Библиография. М. Кузмин. Приключения Эме Лебефа. Три пьесы. *Весы*. 1907. № 7. С. 80.
3. Веселовский Ю. Плутовской роман. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/veselovskij-plutovskoj-roman.htm>
4. Гумилев Н. М. Кузмин. Первая книга рассказов. *Аполлон*. 1910. № 5. С. 56.
5. Иванов Вяч. О прозе М. Кузмина. 1910. №7. С. 46–51.
6. Журавлева Н. В. Художественные функции стилизации в романе серебряного века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Воронеж, 2004. 201 с.
7. История зарубежной литературы XVII века: Учеб. для филол. спец. вузов. Н.А. Жирмунская, З.И. Плавский, М.В. Разумовская и др.; [под ред. З.И. Плавской]. Москва: Высш. шк., 1987. 248 с. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/plavskin-uchebnik/fransisko-de-kevedo.htm>
8. Кузмин М.А. Проза и эссеистика: В 3-х т. Т. 1. Проза 1906–1912 гг. [сост. и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак; вступ. ст. Е.А. Певак]. Москва: Аграф, 1999. 624 с.
9. Марков В. Беседа о прозе Кузмина. Кузмин М.А. Проза в 9 тт. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities, 1984. С. VII–XVIII.

10. Миленко В.Д. К проблеме жанровой трансформации пикарески. *Жанрово-стилевые искания в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции* (г. Астрахань, 25 апреля 2019 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, 2019. С. 5–9.
11. Пискунова С. Плутовской роман. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/piskunova-plutovskoj-roman.htm>
12. Широкова В.В. Традиции плутовского романа в «Приключениях Эме Лебефа» М. Кузмина. *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: збірник наукових праць*. Ізмаїл: Ізмаїльський державний гуманітарний університет, 2011. Вип. 31. С. 149–155.
13. Шайкевич А. Петербургская богема (М.А. Кузмин). Воспоминания о серебряном веке. [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. Москва: Республика, 1993. С. 236–244.
14. Эйхенбаум Б. М. О прозе Кузмина. *Эйхенбаум Б.М. О литературе*. Москва: Сов. писатель, 1987. С. 348–351.

References

1. Bondar K.V. K satiricheskim istokam russkoy pikaeski («Povest o Frole Skobeeve») [To the satirical origins of Russian picaresque («The Tale of Frol Skobeev»)]. *Mezhdunarodnye chteniya molodykh uchenykh pamyati L.Ya. Livshitsa*. 16-e chteniya. 2011. URL: <http://levlivshits.org/index.php/materials/annotations/reading-2011/270-bondar.html>
2. Bryusov V. Razdel Bibliografiya. M. Kuzmin. Priklyucheniya Eme Lebefa. Tri pesy [Section Bibliography. M. Kuzmin. The Adventures of Aime Lebef. Three plays]. *Vesy*. 1907. № 7. С. 80.
3. Veselovskiy Yu. Plutovskoy roman [Rogue novel]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/veselovskij-plutovskoj-roman.htm>
4. Gumilev N. M. Kuzmin. Pervaya kniga rasskazov [Kuzmin. First story book]. *Apollon*. 1910. № 5. S. 56.
5. Ivanov Vyach. O proze M. Kuzmina [About the prose of M. Kuzmin]. 1910. №7. S. 46–51.
6. Zhuravleva N. V. Khudozhestvennyye funktsii stilizatsii v romane serebryanogo veka [Artistic stylization features in a silver age novel]: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01: Voronezh, 2004. 201 с.

7. Istoriya zarubezhnoy literatury XVII veka [The history of foreign literature of the XVII century]: Ucheb. dlya filol. spets. vuzov. N.A. Zhirmunskaya, Z.I. Plavskin, M.V. Razumovskaya i dr.; [pod red. Z.I. Plavskina]. Moskva: Vyssh. shk., 1987. 248 s. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/plavskin-uchebnik/fransisko-de-kevedo.htm>
8. Kuzmin M.A. Proza i esseistika [Prose and Essay]: V 3-kh t. T. 1. Proza 1906–1912 rt. [sost. i komment. Ye.G. Domoratskoy, Ye.A. Pevak; vstup. st. Ye.A. Pevak]. Moskva: Arraf, 1999. 624 s.
9. Markov V. Beseda o proze Kuzmina [A conversation about Kuzmin's prose]. Kuzmin M.A. Proza v 9 tt. T. 1. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities, 1984. S. VII–XVIII.
10. Milenko V.D. K probleme zhanrovoy transformatsii pikareski [To the problem of genre transformation of picaresque]. *Zhanrovo-stilevye iskaniya v khudozhestvennoy literature: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (g. Astrakhan, 25 aprelya 2019 g.). Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. S. 5–9.
11. Piskunova S. Plutovskoy roman [Rogue novel]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/piskunova-plutovskoj-roman.htm>
12. Shirokova V.V. Traditsii plutovskogo romana v «Priklucheniyakh Eme Lebefa» M. Kuzmina [Traditions of a rogue novel in «The Adventures of Ema Lebef» by M. Kuzmin]. *Naukoviy visnik Izmail'skogo derzhavnogo gumanitarnogo universitetu: zbirnik naukovikh prats*. Izmail: Izmail'skiy derzhavniy gumanitarniy universitet, 2011. Vip. 31. S. 149–155.
13. Shaykevich A. Peterburgskaya bogema (M.A. Kuzmin) [Petersburg Bohemia (M.A. Kuzmin)]. *Vospominaniya o serebryanom veke*. [sost., avt. predisl. i komment. V. Kreyd]. Moskva: Respublika, 1993. S. 236–244.
14. Eykhenbaum B.M. O proze Kuzmina [About Kuzmin's Prose]. *Eykhenbaum B.M. O literature*. Moskva: Sov. pisatel, 1987. S. 348–351.

Анотація

Л. Гармаш, І. Разуменко, О. Силаєв. «Пригоди Еме Лебеф» Михайла Кузміна як la novela picaresca і «галантний» роман

У статті розглядається образ героя-авантюриста в ранній прозі Михайла Кузміна. Аналізується генезис і специфічні риси, властиві героям повісті «Пригоди Еме Лебеф». Встановлено, що поява такого героя була продиктована однією з провідних тенденцій літератури Срібного століття - стилізаторством, яке було властиве усім видам мистецтв. Особливою

увагою у представників російської культури початку ХХ століття користувався «галантний вік» у Франції, перш за все, що домінував в цей час стиль рококо, що вирізнялося особливою витонченістю форми, пильною увагою до деталей і чуттєвої стороні людського життя. Доведено, що Кузмін використовує практично всі звичні сюжетні схеми шахрайського роману, але зберігає найчастіше тільки їх каркас, при цьому опускаючи всі подробиці. Звернувшись до форми шахрайського роману, письменник досить серйозно трансформує її зміст, в чому і полягає, на думку авторів статті, сама суть стилізації. Більшість традиційних мотивів виконує в «Пригодах Еме Лебеф» допоміжну функцію. Головним для автора є створення динамічного захоплюючого сюжету, наповненого безліччю перипетій, з одного боку, і помістити в тексті натяки на сучасну автору повісті реальність – з іншого. Повість Кузміна стає в певному сенсі його поетичним маніфестом і позначає позицію письменника в загальній дискусії, яка розгорнулася на початку ХХ століття (наприклад, хрестоматійно відомий вірш А. Кручених «Дір, бул, щил» або роботи В. Хлебнікова) з приводу найближчих перспектив розвитку російської мови. Вступивши в літературу як стилізатор-іноземець, Кузмін відродив стару суперечку між послідовниками адмірала Шишкова і письменника Н.М. Карамзіна, безумовно, розділяючи переконання останніх.

Автори статті дійшли висновку, що створюючи «Пригоди Еме Лебефа», М. Кузмін мав на меті не тільки розважити публіку або продемонструвати віртуозне володіння технікою стилізації. Він ставив більш серйозні завдання, проводячи паралель між Західною Європою ХVІІІ століття напередодні Великої французької революції і Росією початку ХХ століття, яка шойно вийшла з купелі першої революції 1905 року і стояла на порозі Лютневої і Жовтневої революцій 1917 року.

Ключові слова: стилізація, шахрайський роман, «галантний» роман, Срібний вік.

Аннотация

Л. Гармаш, И. Разуменко, А. Силаев. «Приключения Эме Лебефа»

Михаила Кузмина как la novela picaresca и «галантный» роман

В статье рассматривается образ героя-авантюриста в ранней прозе Михаила Кузмина. Анализируется генезис и специфические черты, присущие героям повести «Приключения Эме Лебефа». Установлено, что появление такого героя было продиктовано одной из ведущих тенденций литературы Серебряного века – стиллизаторством, которой были проникнуты

все види искусств. Особым вниманием у представителей русской культуры начала XX века пользовался «галантный век» во Франции, прежде всего, доминировавший в это время стиль рококо, отличавшимся особым изяществом формы, пристальным вниманием к деталям и чувственной стороне человеческой жизни. Доказано, что Кузмин использует практически все привычные сюжетные схемы плутовского романа, но сохраняет чаще всего только их каркас, при этом опуская все подробности. Обратившись к форме плутовского романа, писатель довольно серьезно трансформирует ее содержание, в чем и состоит, по мнению авторов статьи, сама суть стилизации. Большинство традиционных мотивов выполняет в «Приключениях Эме Лебефа» вспомогательную функцию. Главное для автора – создать динамично развивающийся увлекательный сюжет, наполненный множеством перипетий, с одной стороны, и поместить в тексте намеки на современную автору повести реальность – с другой. Повесть Кузмина становится в определенном смысле его поэтическим манифестом и обозначает позицию писателя в обширной дискуссии, развернувшейся в начале XX века (например, хрестоматийно известное стихотворение А. Кручёных «Дыр, бул, шыл» или работы В. Хлебникова) по поводу ближайших перспектив русского языка. Вступив в литературу как стилизатор-иностранец, Кузмин возродил старый спор между последователями адмирала Шишкова и писателя Н.М. Карамзина, явно разделяя убеждения последних.

Авторы статьи пришли к заключению, что создавая «Приключения Эме Лебёфа», М. Кузмин преследовал цель не только развлечь публику или продемонстрировать виртуозное владение техникой стилизации. Он ставил более серьезные задачи, проводя параллель между Западной Европой XVIII века накануне Великой французской революции и Россией начала XX века, только что вышедшей из купели первой революции и стоявшей на пороге Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Ключевые слова: стилизация, плутовской роман, «галантный» роман, Серебряный век.

Summary

L Harmash, I. Razumenko, A. Silaev. The Adventures of Emé Leboeuf by Mikhail Kuzmin as la Novela Picaresca and the Gallant Romance

The article considers the image of the hero-adventurer in the early prose of Mikhail Kuzmin. The genesis and specific traits inherent in the heroes of the

novel *The Adventures of Emé Leboeuf* are analyzed. It was established that the appearance of such a hero was dictated by one of the leading trends in the literature of the Silver Age – stylization, which was characteristic of all kinds of arts. Representatives of Russian culture at the beginning of the 20th century received special attention in the “*gallant age*” in France, first of all, the Rococo style that dominated at that time, which was distinguished by its special grace of form, close attention to details and the sensual side of human life. The article is proved that Kuzmin uses almost all the usual plot schemes of a Novela Picaresca, but most often only their frame is retained, while omitting all the details. Turning to the form of a Novela Picaresca, the writer quite seriously transforms its content, which, in the opinion of the authors of the article, consists in the very essence of stylization. Most of the traditional motifs perform an auxiliary function in *The Adventures of Emé Leboeuf*. The main thing for the author is to create a dynamically developing fascinating plot, filled with many ups and downs, on the one hand, and place in the text hints on the contemporary history, on the other. Kuzmin’s novel becomes in a certain sense his poetic manifesto and denotes the writer’s position in the extensive discussion that unfolded at the beginning of the 20th century (for example, the textbook poem A. Kruchenykh *Dyr; Bul, Shchyl* or the work of V. Khlebnikov) regarding the immediate prospects of the Russian language. Having entered the literature as a foreign stylist, Kuzmin revived the old dispute between the followers of admiral Shishkov and the writer N.M. Karamzin, clearly sharing the convictions of the latter.

The authors of the article came to the conclusion that creating *The Adventures of Emé Leboeuf*, M. Kuzmin was aimed not only at entertaining the public or demonstrating masterly mastery of the stylization technique. He posed more serious tasks, drawing a parallel between Western Europe of the 18th century on the eve of the French Revolution and Russia of the beginning of the 20th century, which had just emerged from the font of the first revolution of 1905 and stood on the threshold of the February and October revolutions of 1917.

Key words: stylization, rogue novel, “gallant” novel, Silver Age.

Інформація про автора

Гармаш Людмила Вікторівна – доктор філологічних наук, доцент кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168,

Україна; e-mail: garmash110@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-8638-3860>.

Разуменко Ірина Василівна – кандидат філологічних наук, професор кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; e-mail: i.v.razum@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-3221-4340>.

Силаєв Олександр Сергійович – доктор філологічних наук, професор кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; e-mail: silaev-52@ukr.net; <http://orcid.org/0000-0002-2388-5951>.